

БЕГИТОВА
СВЕТЛАНА

ОН – ТЬМА,
КОТОРАЯ ИСКАЛА
ТИШИНЫ.
ОНА – ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ НАУЧИЛ
ЕГО ЕЕ СЛЫШАТЬ.

Не лезьте
**В ДУШУ,
МИЛОРД!**

ТИШИНА ДЛЯ ВИКОНТА

— ♦ КНИГА ВТОРАЯ ♦ —

Светлана Бегитова

Не лезьте в душу, милорд!
Тишина для виконта

«Литнет»

2026

Бегитова С.

Не лезьте в душу, милорд! Тишина для виконта / С. Бегитова —
«Литнет», 2026

ОН — ТЬМА, КОТОРАЯ ИСКАЛА ТИШИНЫ. ОНА — ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НАУЧИЛ ЕГО ЕЕ СЛЫШАТЬ. Кризисный психолог из Самары Вера Николаевна всегда знала: у каждого пациента есть свои демоны. Но её новый «клиент» — опальный виконт Дамиан — носит Тьму буквально под кожей. Его магия сводит с ума. А рядом с ней в его голове впервые становится тихо. Они сбежали из Цитадели, нарушив все законы Ордена. Но магический «Поводок», связавший их души, оказался опаснее любой цепи: теперь страх Веры причиняет Дамиану реальную боль, а его Тьма всё сильнее тянет их обоих к бездне. Чтобы спасти человека, которого весь мир считает чудовищем, Вере придется столкнуться с тайной проекта «Астарта» — и с правдой о себе самой. Вот только что, если самое страшное чудовище в этой истории — не Тьма? Психоанализ на краю бездны Юридические войны, магические эксперименты и штурм Цитадели Вредный фамильяр, боевая горничная и очень много искр Тайна разбитых зеркал и одна судьбоносная мятная жвачка **ВТОРАЯ КНИГА ДИЛОГИИ ХЭППИ-ЭНД ГАРАНТИРОВАН!**

© Бегитова С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Маневр Верховного	5
Глава 2. Побочные эффекты	8
Глава 3. Диета для виконта	10
Глава 4. Галл-навигатор	12
Глава 5. Первая лаборатория	14
Глава 6. Тьма-защитница	17
Глава 7. Психоанализ в кустах	19
Глава 8. Юридический десант	22
♥# Несколько слов от автора	25
Глава 9. Резонанс в Скиту	26
Глава 10. Мятная связь	28
Глава 11. Появление Азазеля	31
Глава 12. Протокол Астарта	34
Глава 13. Плен души	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1. Маневр Верховного

Телега Брунгильды нырнула в серый туман Пустоши так резко, что через несколько секунд Скит Молчальников, флот Инквизиции и даже огромное брюхо «Молота» исчезли за плотной пеленой, словно мы не просто свернули на другую дорогу, а вывалились в отдельный мир, где вместо горизонта существовали только мокрые камни, запах гари и отчаянный скрип колёс.

Я сидела в сене рядом с Дамианом, всё ещё сжимая его руку, и никак не могла привыкнуть к мысли, что несколько минут назад мы могли разойтись в разные стороны, потому что Поводок наконец перестал решать за нас, однако почему-то оба выбрали именно этот неудобный способ бегства — на раздолбанной телеге, под обстрелом Инквизиции и в компании юриста, горничной и крылатого фамильяра с криминальными наклонностями.

Позади снова прогремел залп.

Яна, которая устроилась на тюке с простынями и до сих пор смотрела назад, резко повернула голову. Вслед за грохотом по земле прошла слабая дрожь, а над туманом на мгновение поднялось облако каменной пыли.

— Это был Скит, — сказала она, и в её голосе почти не осталось привычного сарказма. — Кассиан обрушил вход.

— Решил закончить начатое? — спросила я.

— Решил уничтожить наши следы. Если эмиссары Азазеля полезут проверять, почему Верховный Инквизитор за десять выстрелов не попал ни в одного беглеца, они найдут под завалом только камни и остаточный магический фон.

Она произнесла это спокойно, но пальцы, державшие портфель, побелели.

— Его ведь теперь будут проверять?

— Его теперь будут проверять так, будто он лично продал Пустошь врагу оптом и без оформления накладной. Кассиан слишком демонстративно возглавил погоню, чтобы его можно было сразу обвинить в предательстве, но слишком плохо стрелял для человека, который обычно попадает в монету с другого конца полигона.

Я осторожно посмотрела в сторону исчезнувшего флагмана.

— Значит, он действительно поставил под удар всё.

— Не всё, — Яна наконец отвернулась от тумана. — Только карьеру, титул, голову и очень дорогой корабль. Семейные ценности у нас традиционные.

Брунгильда хмыкнула с козел и сильнее натянула вожжи, заставляя кобылу прибавить шаг.

— Ничего, госпожа Яна, вернёмся — вы его сначала обнимете, потом приберёте. В моих романах это считается крепким браком.

— У нас примерно так и планировалось.

Я хотела улыбнуться, но Дамиан рядом со мной неожиданно напрягся.

Его повреждённая ладонь была туго перевязана, однако сквозь ткань уже проступали тёмные пятна, а Тьма вокруг пальцев мелко дрожала, реагируя на каждый далёкий взрыв. Я накрыла его руку своей, и золотистая нить между нами вспыхнула мягким светом.

— Как вы?

— Если не считать того, что меня преследует Инквизиция, рука постепенно чернеет, а женщина, которую я несколько недель считал случайно свалившимся на мою голову психологом, только что выяснила, что когда-то сама сбежала из этого мира, — вполне терпимо.

— Очень хороший прогресс. В начале терапии вы отвечали на подобные вопросы значительно менее развёрнуто.

Уголок его рта дрогнул, однако почти сразу Дамиан нахмурился и посмотрел на наши соединённые руки.

Золотая нить вдруг пульсировала сильнее.

Я тоже почувствовала изменение, только теперь это не походило на прежнее давление Поводка. Никакого чужого приказа не было, зато раздражение, тревога и остаточный страх после обстрела словно получили дополнительный выход и прошли по связи к Дамиану.

Между его пальцами проскочила синяя искра.

— Это от меня? — я медленно убрала руку.

Искра погасла не сразу.

Дамиан прислушался к себе.

— Твой страх я раньше чувствовал как удар, а сейчас скорее как собственную эмоцию, которой внезапно стало слишком много.

— Замечательно. Значит, Азазель больше не держит поводок с другого конца, зато мы получили магическую систему совместного пользования нервным срывом.

Яна придвинулась ближе и внимательно посмотрела на золотую нить.

— В Скиту ты сломала первоначальную структуру. Возможно, связь перестала быть односторонним инструментом управления, но теперь передаёт состояние в обе стороны.

— Очень удобно. Особенно учитывая мою нынешнюю эмоциональную стабильность.

Телега попала колесом в яму, меня подбросило, и я больно прикусила язык.

Дамиан одновременно поморщился и схватился за челюсть.

Мы несколько секунд смотрели друг на друга.

— Только не говорите, что почувствовали это.

— Я почувствовал, как ты прикусила язык.

С другого конца телеги донёсся тяжёлый вздох Яны.

— Вера, ты теперь буквально способна довести мужчину до нервного срыва, даже не разговаривая. С профессиональной точки зрения это новый уровень.

— Я молчу исключительно терапевтически.

Из-под мокрой наволочки показалась взъерошенная серая голова Галла. Он протиснулся наружу, расправил кожистые крылья и недовольно дёрнул куцым хвостом.

— Николаевна, если вы собираетесь испытывать эту штуку на ходу, предупреждайте заранее. У милорда от твоих эмоций Тьма дёргается, у меня от его Тьмы рожки искрят, а я между прочим нежное магическое существо с тонкой душевной организацией.

— Ты час назад украл у Лилиан серебряные щётки.

— Тонкая душевная организация не исключает хозяйственности.

Дамиан тихо рассмеялся, и вместе с этим смехом напряжение в Поводке немного ослабло. Я почувствовала его облегчение почти так же отчётливо, как несколько минут назад он почувствовал мою боль, и от этого стало неуютно уже по другой причине.

— Нам придётся научиться разделять, что принадлежит мне, а что вам, — сказала я. — Иначе Азазелю даже не понадобится нас атаковать. Достаточно будет напугать одного, чтобы второй получил весь комплект побочных эффектов.

Дамиан перевёл взгляд на золотую нить.

— Тогда научимся.

В его голосе не было прежнего отчаяния, и именно это заставило меня задержать на нём взгляд. Ещё недавно любое проявление собственной Тьмы он воспринимал как подтверждение того, что остаётся чудовищем, а теперь говорил о ней как о проблеме, которую можно решить.

Возможно, Скит действительно изменил не только Поводок.

— Есть ещё одна неприятность, — сообщила Яна, достав наконец флягу и сделав глоток. — Кассиан дал нам фору, но бесконечно изображать самого некомпетентного стрелка в

истории Ордена он не сможет. Как только эмиссары поймут, что мы ушли в Пустошь, Азазель отправит своих людей.

— Уже отправил, — подал голос Галл.

Все повернулись к нему.

Фамильяр сидел на борту телеги, вытянув шею в сторону тумана, а короткие рожки на его голове едва заметно светились фиолетовым.

— Пахнет Шепотом. Слабо, но запах есть, и он становится ближе.

Я сжала обгоревший блокнот, где на форзаце всё ещё оставалось моё имя.

Ещё вчера Самара была для меня единственным доказательством нормальной жизни, а теперь оказалось, что где-то под слоями памяти скрывается девочка, которая знала этот мир задолго до моего появления здесь. Я понятия не имела, кем была Астарта, зачем Азазелю понадобилась я и почему сама когда-то решила забыть всё настолько тщательно, но возвращаться в роль испуганного объекта чужих экспериментов совершенно не собиралась.

— Пусть догоняют, — сказала я. — Если Азазель столько лет готовился к моему возвращению, будет невежливо заставлять его ждать объяснений.

— Вот это моя Николаевна, — одобрил Галл. — Сначала диагноз, потом счёт за консультацию.

Телега глубже вошла в Пустошь, а последний грохот «Молота» окончательно растворился за спиной. Яна ещё раз посмотрела назад, после чего закрыла портфель и больше не оборачивалась.

Кассиан сделал всё, что мог, чтобы дать нам несколько часов свободы. Теперь оставалось выяснить, на что потратим их мы.

Глава 2. Побочные эффекты

Если вы думаете, что побег от флота Инквизиции на телеге с грязным бельем — это пик жизненного фиаско, то поздравляю: вы никогда не работали кризисным психологом в мире, где физика и здравый смысл ушли в бессрочный отпуск.

Тряска была такой, что мой несчастный блокнот, в котором я пыталась фиксировать симптомы магического ПТСР Дамиана, едва не стал орудием моего собственного самоубийства. Каждый раз, когда колесо попадало в очередную выбоину, я подпрыгивала, клала зубы и всерьез задумывалась, не подать ли мне на Азазеля жалобу в трудовую инспекцию Бездны за ненадлежащие условия транспортировки ценных «иномирных специалистов».

— Вера, — Дамиан, полулежащий в сене, приоткрыл один глаз. — Если ты не перестаешь так громко возмущаться про себя, я рискую остаться без бровей.

— Я молчу, — буркнула я, поправляя съехавшие на кончик носа очки. — Профессионально и глубокомысленно молчу.

— Твоё молчание бьет меня по нервам сильнее, чем Кассиан из пушек, — виконт болезненно поморщился и взглянул на свою левую руку.

Между его пальцами проскочила крохотная багровая искра. Затем вторая. В воздухе отчетливо запахло озоном и паленой шерстью. Источником последнего, судя по всему, был Галл. Наш фамилляр, внешне напоминавший результат неудачного свидания облезлого кота и летучей мыши, дремал на колене виконта, сложив кожистые крылья.

— Ик! — Галл подпрыгнул, взмахнув куцым хвостом и высекая из рожек между ушами целый сноп фиолетовых разрядов. — Николаевна! Опять?! Я тебе что — громоотвод на полставки? У меня шерсть дыбом встает, и это вовсе не от твоего сомнительного обаяния! Ик!

Я замерла, глядя на свою правую ладонь. Золотая нить «Поводка», которая после событий в Ските стала намного ярче, сейчас пульсировала в такт моему нарастающему раздражению. Стоило мне в очередной раз вспомнить лицо Азазеля и его пафосные речи про «Астарту», как нить натягивалась, наливаясь тяжелым багровым цветом, а Дамиан судорожно вздрагивал.

— Подожди... — я медленно подняла руку, рассматривая пульсирующую связь. — Ты хочешь сказать, что теперь не только ты транслируешь мне свою Тьму, но и я... передаю тебе свой гнев?

— Поздравляю, детонька, — Брунгильда, не оборачиваясь, азартно огрела вожжами кобылу. — В моих романах это называется «Эффект полного эмоционального резонанса». Обычно после этого герои либо венчаются, либо сжигают замок в порыве страсти. Но так как замок у нас отобрали, а из страсти в наличии только твое желание придушить Магистра блокнотом — горят пальцы и хвосты!

Дамиан судорожно выдохнул. Его магия, обычно напоминающая холодную ртуть, теперь искрила мелкими колючими разрядами, которые буквально жалили воздух.

— Это логично, — Яна, сидевшая на тюке с наволочками, поправила очки и сделала внушительный глоток из фляги. — Вера, ты же сама говорила про взлом оболочки в Ските. Ты нарушила структуру, которую создал Азазель. Теперь «Поводок» — это не просто цепь, а двухсторонняя магистраль. И, судя по всему, у тебя на этой трассе — сплошные превышения скорости и агрессивное вождение.

— Я просто... я очень зла, Яна! — я попыталась сделать глубокий вдох по методике «квадратного дыхания», но телега подпрыгнула на корневище, и я ощутило прикусила язык. — Ай!

— Ау! — Дамиан мгновенно схватился за челюсть. — Вера, будь добра, не кусайся хотя бы ментально. У меня такое чувство, будто мне в десну вставили магический электрошокер и включили его на полную мощность.

Я замерла, чувствуя, как лицо заливают густая краска стыда. Психолог, который не может контролировать собственные эмоции и буквально бьет током своего пациента — это дно профессиональной этики.

— Извини, — я осторожно коснулась его плеча.

Нить на моей руке мгновенно потеплела, становясь прозрачно-золотой. Искры на пальцах Дамиана погасли, а Тьма за его спиной из колючего ежа превратилась в ленивый туман. Он прикрыл глаза, жадно впитывая это спокойствие.

— Тишина... — прошептал он, и на его лице появилось то самое выражение умиротворения, которое когда-то заставило меня согласиться на роль его «намордника». — Твоя нежность, Вера... она работает лучше любого инквизиторского обезболивающего.

— Не обольщайся, милорд, — проворчал Галл, почесывая рожки лапкой. — Это временное перемирие. Наша Николаевна — это спящий вулкан в помятом жакете. Ик! Опять... а нет, это просто икота.

Яна, внимательно наблюдавшая за пульсацией «Поводка», сделала пометку в своем воображаемом юридическом портфеле.

— Так, — она решительно отобрала у Брунгильды вожжи, заставляя телегу съехать с открытой дороги в тень вековых деревьев Пустоши. — Нам нужно обсудить побочные эффекты нашего триумфа. Вера, ты понимаешь, что теперь Азазель может достать Дамиана через тебя? Если он испугает или разозлит тебя до предела — он сломает его, используя твой собственный импульс как детонатор.

— Я знаю, Яна, — я посмотрела на свою ладонь, где белая точка «зерна» всё еще светилась тонкой трещиной под кожей. — Он сказал, что зерно прорастет. Я чувствую, что оно ждет моего страха, чтобы забрать моё имя.

Дамиан сел ровнее, и его взгляд стал пугающе холодным. Тьма за его спиной на секунду сгустилась, превращаясь в защитный кокон, который мягко оттолкнул сено в стороны.

— Значит, мы сменим тактику, — отрезал он. — Я не позволю тебе бояться. И я научусь принимать твои эмоции не как удары, а как силу. Если ты злишься — я буду использовать это для боя. Если ты... — он запнулся, глядя мне прямо в глаза, и «Поводок» между нами вспыхнул таким мягким и ярким золотом, что даже Галл недовольно зажмурился.

— Если она любит, — хмыкнула Яна, — то мы, пожалуй, отъедем на другую сторону ущелья, чтобы нас не завалило вашим любовным резонансом. А пока — Вера Николаевна, доставляйте свой многострадальный блокнот. Нам нужно составить график ваших эмоциональных всплесков, чтобы Брунгильда знала, когда пора надевать резиновые перчатки и уводить лошадь подальше от эпицентра.

— Брунгильда всегда готова! — отозвалась великанша, извлекая из-под сиденья здоровенный пирог с мясом. — Детонька, ешь. В моих романах героини всегда ели, когда не знали, что делать. Глюкоза помогает мозгу удерживать Самару в голове и не превращаться в Астарту раньше времени.

Я взяла кусок пирога, который пах домом и нормальной жизнью. Пустошь вокруг нас шептала голосами теней, Кассиан где-то на горизонте палил по кустам ради нашей свободы, а мой «пациент» смотрел на меня так, будто я была единственной точкой опоры во всем этом безумном мире.

— Ну что, Вера Николаевна, — я посмотрела на Дамиана. — Похоже, наш сеанс не просто затягивается. Побочные эффекты обещают быть... искрометными.

— Главное — не забыть про жвачку, — улыбнулся он. — Пока у нас есть мята и твоё упорство, у Бездны нет ни единого шанса.

Глава 3. Диета для виконта

Если вы думаете, что магический резонанс — это самое страшное, что может случиться в Пустоши, значит, вы никогда не видели Брунгильду, охваченную кулинарным энтузиазмом. Наша штурмовая горничная свято верила в две вещи: в счастливые финалы из своих романов и в то, что путь к душе виконта лежит через правильно сбалансированную диету.

Телега замерла на опушке леса, где туман был не таким липким, а тени вели себя прилично, не пытаясь отгрызть колесо. Брунгильда деловито развела костер, используя вместо дров какие-то подозрительные сучья, которые при горении пахли жасмином и старыми грехами.

— Так, детоньки, привал! — пробасила великанша, извлекая из недр телеги чугунный котелок размером с небольшую бетономешалку. — Лечение — это не только блокноты и охи-вздохи. Лечение — это когда желудок полон, а тьма внутри не просит добавки в виде чужой крови.

Дамиан, который всё еще пытался прийти в себя после нашего недавнего «электрического» инцидента, с подозрением покосился на котелок. Его Тьма, до этого лениво дремавшая, внезапно встрепенулась и выбросила пару колючих протуберанцев.

— Брунгильда, — осторожно начал виконт, — если там опять та «благодатная каша» из семян одуванчика, то я лучше пойду покормлю местных волков. Собой.

— Не ворчи, милорд! — Брунгильда энергично зашуровала в котелке половником, который в её руках выглядел как боевой шестопер. — Это специальный рецепт из главы двенадцатой «Светлого пути исцеленного лорда». Там герой ел это сорок дней и в итоге перестал превращаться в оборотня по пятницам.

— Я не оборотень, — процедил Дамиан, бросая взгляд на Веру, ища поддержки.

Я, честно говоря, сочувствовала пациенту. Мой профессиональный опыт подсказывал, что насильственное кормление кашей — это кратчайший путь к развитию новой фобии, а не к исцелению ауры. Но спорить с Брунгильдой было всё равно что проводить сеанс психоанализа со скалой: энергозатратно и абсолютно бесполезно.

— Кушайте, кушайте, голубчик! — Брунгильда водрузила перед Дамианом миску с чем-то белым, светящимся и подозрительно напоминающим на вкус вату, вымоченную в святой воде.

Дамиан зачерпнул ложку. Стоило первой порции «светлой радости» коснуться его желудка, как «Поводок» на моей руке взвыл багровым.

— Ой! — я вскрикнула, чувствуя, как по ладони прошел разряд чистой, концентрированной горечи. — Дамиан, что ты чувствуешь?

— Я чувствую... унижение, — выдохнул виконт. Его глаза на мгновение почернели, а Тьма за его спиной издала звук, похожий на скрежет металла по стеклу. — Моя магия... она не хочет кашу, Вера. Она требует... драмы. Она хочет горьких трав, старого вина и, желательно, чьего-нибудь раскаяния. А эта жижа пытается её усыпить. Это не лечение, это анестезия для совести!

— Ик! — Галл, сидевший на ветке над котелком, вдруг спикировал вниз, едва не угодив в варево. — Николаевна, спасай мужика! Его Тьма сейчас либо выплюнет эту кашу вместе с душой, либо нас всех накроет волной депрессии! Я чувствую, как у меня рожки чешутся от его возмущения! Ик!

Яна, которая до этого меланхолично жевала сухарь, поправила очки и внимательно осмотрела Дамиана.

— Чисто с юридической точки зрения, Брунгильда, — заметила она, — принудительное кормление магически активного лица продуктами, вызывающими у него идеологическое

отторжение, может быть расценено как пытка. Кассиан за такое в Цитадели выдает строгий выговор. Без сохранения магической страховки.

— Какая пытка?! — возмутилась Брунгильда, всплеснув руками. — Я же для общего блага! Чтобы щеки порозовели, а глаза перестали светиться как у покойника!

— Мои щеки не будут розовыми, Брунгильда, — Дамиан решительно отодвинул миску, и Тьма вокруг него одобрительно забурлила. — Моя Тьма — это не болезнь, которую можно вылечить диетой. Это часть меня. И если она хочет вина — значит, мы найдем вина.

Виконт поднялся, и я увидела, как в его синих глазах снова заплескался тот самый опасный азарт. «Поводок» между нами перестал пульсировать болью и наполнился странным, тягучим ощущением жажды.

— Вера, — он протянул мне руку. — Пойдем. Кажется, я чувствую запах... не каши.

— В Пустоши? — я прищурилась. — Дамиан, здесь из съедобного только мы и Брунгильдин энтузиазм.

— Там, за тем холмом, был склад Ордена, — подал голос Галл, почесывая ухо лапкой. — Если Кассиан его еще не списал, там должно остаться вино для ритуалов. Тяжелое, терпкое и совершенно не «светлое».

— Ик! — Галл радостно взмахнул кожистыми крыльями. — Я покажу дорогу! Только чур сахарница моя!

Я посмотрела на Дамиана. Он стоял — бледный, измученный, с повязкой на руке, но в нем снова просыпался тот самый гордый лорд, который не сдается перед лицом каши.

— Ну что, Вера Николаевна, — я взяла свой блокнот. — Похоже, наш сеанс переходит в фазу «радикальной терапии». Идем искать вино... то есть вино.

Брунгильда обиженно вздохнула и начала собирать тарелки. — Идите, идите! Но если к вечеру у вас от этой драмы зачесется аура — ко мне за кашей не приходите!

Мы двинулись вглубь леса. Дамиан шел впереди, и я чувствовала через нашу связь, как его Тьма довольно мурлычет, предвкушая нечто более существенное, чем семена одуванчика.

— Знаешь, — прошептала я, догоняя его, — иногда я думаю, что твоя Тьма — это просто очень капризный пациент, который требует особого меню.

— Она не капризная, Вера, — Дамиан остановился и посмотрел на меня. — Она просто честная. Она не умеет притворяться «светлой», когда внутри всё горит от воспоминаний об Азазеле. И спасибо... что не заставила меня доедать ту миску.

— Это мой профессиональный долг, — я улыбнулась. — Психолог не должен потакать насилию над личностью. Особенно если эта личность может испепелить меня в ответ на когнитивный диссонанс.

Впереди, среди черных скал, показались развалины старого форта. И судя по тому, как на моей руке вспыхнула золотая нить, настоящая драма — и, возможно, хорошее вино — ждали нас именно там.

Глава 4. Галл-навигатор

Галл спикировал мне на плечо с таким энтузиазмом, будто я была не дипломированным психологом, а единственной пригодной взлётно-посадочной полосой в этом сером филиале ада. Его кожистые крылья, пахнувшие старым пергаментом, пылью и почему-то сушёной воблой, обдали моё лицо прохладным воздухом, а острые когти едва не превратили мой любимый серый жакет в дизайнерскую ветошь.

— Николаевна, — проскрежетал он, высекая из своих коротких рожек целую серию фиолетовых искр прямо перед моими очками. — Ик! Если ты и дальше будешь плестись с таким выражением лица, будто у тебя в кармане не мятная жвачка, а приговор инквизиции в трёх томах, мы никогда не найдём «пункт питания». Скажи, у тебя в твоём хвалёном блокноте есть раздел «Как заставить специалиста двигать булками в условиях магического апокалипсиса»?

— Галл, — я осторожно, стараясь не поцарапаться, сняла это икающее недоразумение со своего плеча и пересадила на ближайший плоский валун. — У меня есть раздел «Депортация икающих горгулий-мизантропов в Самару без права переписки». Если ты сейчас же не покажешь нам дорогу, я начну практиковать на тебе методы шоковой терапии при помощи тяжёлого тупого предмета.

Дамиан, шедший впереди нас, внезапно замер у края глубокого разлома, который в Пустоши пафосно именовали «Глоткой Безмолвия». Его Тьма, до этого лениво тянувшаяся за ним шлейфом, вдруг встала дыбом, как загривок рассерженного пса, почуявшего старого врага.

— Он не просто ищет дорогу, Вера, — глухо произнёс виконт, не оборачиваясь к нам. — Он ведёт нас по моим следам. По местам, которые Азазель велел мне вытравить из памяти ещё в Цитадели.

Галл, ничуть не смутившись пафосом момента, извлёк из-под какой-то складки на своём облезлом кошачьем животе пожелтевший пергамент. Свиток выглядел так, будто его десять лет жевал очень разочарованный в жизни дракон, а потом на нём долго спала Брунгильда.

— Ик! — Галл когтистой лапой развернул карту прямо на камне. — Это не просто навигатор, Вера Николаевна. Это — «Реестр калибровки сосуда». Так наш общий знакомый Азазель называл места, где милорд проходил свои первые «полевые испытания».

Я подошла ближе, поправляя очки. На бумаге чёрными, как запёкшаяся кровь, чернилами были отмечены точки, разбросанные по всей Пустоши. «Серый шёпот», «Ржавый пик», «Сектор тишины». Рядом с каждой точкой каллиграфическим, почти издевательски аккуратным почерком стояли пометки: «Тест на выжигание эмпатии», «Замер предельной температуры ярости», «Эффективность поглощения коллективного страха».

— «Пункты питания», — прошептала я, чувствуя, как по «Поводку» на моей руке прошёл ледяной разряд, отозвавшийся колкой болью в пальцах. — Галл, ты ведь сейчас не про комплексные обеды по расписанию, верно?

— Про обед, Николаевна, про самый настоящий обед! — Галл азартно ткнул когтем в ближайшую точку. — Только меню здесь было специфическое. В этих фортах Азазель годами запирает тех, кто был «неудобен» Ордену. Оппозиционеров, вольнодумцев, случайных свидетелей... А потом привозил Дамиана. Тьма виконта требует регулярной подзарядки, а что может быть питательнее для монстра, чем концентрированное отчаяние и ужас запертых людей?

Дамиан медленно повернулся к нам. Его лицо, обычно бледное, сейчас казалось высеченным из того же холодного чёрного камня, что и окружающие скалы. Синие глаза потемнели, становясь почти чёрными, и я почувствовала, как «Поводок» между нами натянулся до предела.

— Он убедил меня, что это — преступники, — голос Дамиана дрожал от подавляемой ярости. — Он говорил, что их боль — это необходимая плата за очищение этого мира от

скверны. Что я — великий ассенизатор Бездны, который выжигает гниль, чтобы остальным дышалось легче. Он называл это «необходимым злом во имя Света».

— О, классический приём из учебника по манипуляциям, — Яна, меланхолично инспектировавшая содержимое своего юридического портфеля, выступила вперёд. — Сначала нужно полностью обесценить жертву, лишить её человеческого облика, чтобы палач не чувствовал дискомфорта при исполнении обязанностей. С юридической точки зрения, Дамиан, ты был несовершеннолетним инструментом, оружием в руках психопата. Любой суд присяжных в Самаре оправдал бы тебя за пять минут. Но Галл сейчас предлагает нам совершить «ностальгический тур» по местам твоих боевых заслуг, и мне это решительно не нравится.

— Я предлагаю найти вино! — возмутился Галл, нервно взмахнув своим куцым хвостом. — В «Сером шёпоте» остался тайный схрон. Там вино, которое Азазель годами заряжал эманациями страха специально для капризного желудка милорда. Это не та диетическая каша, которой Брунгильда пытается кормить нашу Тьму. Это чистый, концентрированный магический адреналин! Тьме нужно вспомнить вкус настоящей силы, иначе в первой же серьёзной лаборатории нас просто сожрут местные тени, не спросив диплома психолога!

Я посмотрела на Дамиана. Золотая нить между нами вибрировала, передавая мне всю его внутреннюю бурю — тошноту от собственного прошлого и жгучую, почти физическую потребность в силе, чтобы это самое прошлое больше никогда не повторилось. Это был классический когнитивный диссонанс, умноженный на магическое проклятие.

— Идём в «Серый шёпот», — отрезал виконт, и Тьма за его спиной послушно свернулась в плотный клубок. — Вера, ты уверена, что сможешь это вынести? Там до сих пор висит эхо того, что я там совершал десять лет назад. Пустошь ничего не забывает.

Я решительно поправила жакет и достала из кармана пачку мятной жвачки, протягивая одну подушечку ему.

— Моя работа, Дамиан, — это годами разгрести завалы и авгиевы конюшни в чужих головах. Думаю, один заброшенный форт с плохой репутацией и запасом старого вина я как-нибудь переживу. Тем более, если там действительно есть контрабанда, Яна точно найдёт повод составить на Азазеля иск о незаконном обороте подакцизных магических товаров в особо крупных размерах.

— Обязательно найду, — подтвердила Яна, поправляя очки. — Брунгильда! Глуши костёр, если он ещё горит! Мы идём в гости к призракам прошлого. И упакуй свой боевой половник поудобнее, чувствую, нам сегодня придётся не только кормить Тьму, но и активно отбиваться от её последствий.

Галл взмыл в воздух, радостно высекая фиолетовые искры из своих рожек.

— Ик! Слушайте навигатора и не наступайте на светящиеся лишайники, они имеют привычку кусаться за пятки! Нас ждёт «Серый шёпот» и великое похмелье совести!

Мы двинулись вглубь разлома. Впереди летела икающая кожистая горгулья, за ней шёл человек, который больше всего на свете хотел перестать быть оружием, и психолог, который твёрдо решил, что тишина в этой измученной голове стоит любой, даже самой страшной битвы.

От автора

Если вам уже нравится история Веры и Дамиана, поддержите книгу #. Для меня это очень важно и помогает истории находить новых читателей.

Глава 5. Первая лаборатория

Пыль Пустоши забивалась в горло, превращая каждый вдох в небольшое испытание, а икота Галла сопровождала нас с такой регулярностью, что постепенно начала заменять дорожный метроном. После Глотки Безмолвия и найденной карты «пунктов питания» настроение в нашем отряде заметно изменилось: даже Яна почти перестала отпускать комментарии, а Дамиан молчал, хотя его Тьма, почувствовав близость знакомых мест, всё чаще вздрагивала у ног, словно узнавала дорогу раньше хозяина.

Форт «Серый шёпот» возник из марева неожиданно — угрюмая груда камней, окружённая ржавой проволокой, которая тускло светилась в сумерках. Мы не стали останавливаться надолго, потому что Дамиан почти сразу направился к обрушенной башне, нашёл под камнями старый люк и вытащил оттуда запылённую бутылку с печатью Азазеля.

Он сорвал пробку и сделал несколько глотков тёмной ритуальной жидкости, которую Галл упрямо называл вином, хотя по тому, как мгновенно отозвалась на неё Тьма, я всё меньше верила, что обычный алкоголь имеет к происходящему хоть какое-то отношение.

Перемены проявились быстро. Когда мы продолжили путь, Дамиан уже не выглядел человеком, который держится на ногах исключительно из упрямства: плечи расправились, движения стали увереннее, а Тьма вокруг него из рваного беспокойного тумана превратилась в плотное бархатное облако. От неё по коже пробежали слабые разряды, но теперь в этих ощущениях было нечто иное — не болезненное и не пугающее, а настолько живое, что мне приходилось напоминать себе о профессиональной дистанции.

— Вера, мы приехали.

Дамиан натянул вожжи у подножия холма, и я выглянула из-за его плеча. Туман здесь стал настолько густым, что Яна уже всерьёз обещала составить жалобу на нарушение экологических норм Пустошью, однако стоило мне увидеть здание впереди, как даже её голос перестал доходить до сознания.

Перед нами находилась Первая лаборатория.

Ничего величественного в ней не было. Бетонный саркофаг наполовину врос в чёрную скалу, стены оплетали толстые металлические кабели, а на покосившейся табличке под слоем копоти ещё можно было разобрать надпись: «Сектор А. Инициация».

Поводок на моём запястье внезапно раскалился.

Я схватилась за руку, чувствуя, как вместе с жаром внутри головы поднимается странное узнавание, слишком смутное для воспоминания и слишком сильное для обычного предчувствия.

— Я здесь была?

Галл приземлился на ржавую балку над входом и нервно переступил лапами.

— Николаевна, Азазель называл это место колыбелью. Здесь начинались его самые любимые проекты, так что если тебе вдруг хочется сбежать, я бы не стал обвинять организм в трусости.

— Галл, хватит.

Голос Дамиана прозвучал непривычно жёстко. Синее пламя на мгновение вспыхнуло в его глазах, и фамильяр благоразумно замолчал.

Дамиан подошёл ко мне и осторожно накрыл мою дрожащую ладонь своей.

— Я не знаю, что мы найдём внутри, но это место отзывается и на тебя, и на мою Тьму. Если захочешь уйти, мы уйдём.

Я посмотрела на бетонные стены.

— Если я уже однажды отсюда ушла и решила забыть почему, второй раз лучше хотя бы выяснить причину.

Внутри пахло плесенью, озоном и лекарственным спиртом. Яна шла следом, осторожно обходя лужи неизвестного происхождения и прижимая портфель к груди так, словно среди всей этой разрухи именно документы представляли главную культурную ценность.

— Задвижки находятся снаружи, — заметила она, рассматривая одну из дверей. — Значит, людей здесь не защищали от чего-то внутри комнат, а запирали. Причём помещения слишком маленькие даже для обычных камер.

Я почти не слушала. Коридор казался знакомым.

На первом повороте я свернула налево ещё до того, как успела решить, куда идти, затем спустилась по лестнице и остановилась перед третьей дверью. Разум не узнавал ничего, однако тело словно помнило маршрут значительно лучше меня.

За дверью оказалась маленькая комната без окон. Я сделала несколько шагов и застыла.

Стены были покрыты детскими рисунками, нанесёнными прямо поверх облупившейся краски. Панельные дома, железная горка на детской площадке, остановка, знакомый силуэт девятиэтажки и маршрутка с криво выведенной цифрой семь выглядели здесь настолько невозможными, что сначала я решила, будто Азазель снова играет с моим сознанием.

Потом увидела киоск «Печать». Я подошла ближе и провела пальцами по выцветшей линии.

— Это Самара.

Дамиан остановился рядом.

— Ты уверена?

— Я проходила мимо такого киоска сотни раз. А вот эта остановка была возле дома моей мамы.

Слова прозвучали совершенно буднично, но именно поэтому мне стало по-настоящему страшно. Рисункам было много лет. Гораздо больше, чем должно было пройти с момента моего появления в этом мире.

— Получается, я знала Самару ещё тогда?

Дамиан долго рассматривал стены.

— Возможно, ты её видела. Ты говорила, что Азазель связывал твою силу с пространством, а значит, ещё ребёнком ты могла чувствовать другие миры или места, до которых обычный человек никогда бы не дотянулся.

— И потом сбежала именно туда?

— Это пока только версия, — ответил он. — Но она объяснила бы, почему ты оказалась не в случайном мире и не в случайном городе.

От облегчения, которое принесло это объяснение, мне едва не стало смешно. Самара не исчезала и не превращалась в красивую выдумку только потому, что на стенах чужой лаборатории нашлись её рисунки. Моя квартира, работа, мама, мокрый асфальт, раздражающий лифт и мятная жвачка оставались частью прожитой мной жизни, но теперь выяснялось, что дорогу к этой жизни я могла увидеть задолго до того, как действительно по ней прошла.

Яна подошла ближе.

— Получается, ты не придумала себе убежище. Ты каким-то образом нашла его ещё отсюда.

— А потом сделала всё, чтобы забыть обратный адрес, — пробормотала я.

Галл осторожно перебрался мне на плечо.

— Азазель называл тебя «Проектом Астарта». Если он пытался заставить маленькую Николаевну открывать дороги между мирами, то она, похоже, использовала первый же успешный маршрут по собственному усмотрению. Очень в твоём характере.

Я посмотрела на рисунки ещё раз, и Поводок отозвался тёплой волной. Дамиан стоял совсем близко, а его Тьма уже не пыталась заполнить комнату, словно тоже чувствовала, что здесь лучше не давить на старые воспоминания.

— Кто бы запер здесь ребёнка, — тихо произнёс он, — я хочу знать зачем.

В его голосе было столько холодной ярости, что я повернулась к нему.

— Если это Азазель...

— Сначала найдём доказательства, — перебила я. — Я уже научилась не выносить диагноз до обследования пациента, даже если пациент — древний маг с явными проблемами этического характера.

Уголок его губ дрогнул.

— А потом?

— А потом можете угрожать выжечь его имя из истории. Я внесу это в план терапии как допустимый способ эмоциональной разгрузки.

Он осторожно коснулся моей щеки, и золотая нить между нами вспыхнула чуть ярче. Я чувствовала его гнев, тревогу и желание защитить меня, но после Скита могла отличить всё это от собственных чувств, поэтому не отступила и не стала убеждать себя, что магия опять решила что-то за нас.

Самара оставалась моим домом. Этот мир оказался моим прошлым. А кем станет для меня Дамиан, мы впервые могли решить сами. Я отвела взгляд от его лица и посмотрела на тёмный коридор.

— Здесь должны быть записи. Если Азазель проводил эксперименты, он наверняка фиксировал результаты.

— Тогда ищем.

Мы двинулись глубже в лабораторию, оставляя комнату с детскими рисунками позади. Теперь я уже не боялась, что одна найденная стена перечеркнёт всю мою жизнь, зато очень хотела понять, почему маленькая девочка из Пустоши когда-то рисовала город, в котором спустя годы действительно стала Верой Николаевной.

И кто сделал так, что ради спасения мне пришлось забыть дорогу обратно.

Глава 6. Тьма-защитница

Мы покидали бетонный склеп «Первой лаборатории» в тягостном молчании, которое нарушалось только хрустом битого стекла под нашими ногами. В руках Дамиан сжимал увесистую папку с пометкой «Проект Астарта: фаза инициации», которую он буквально вырвал из проржавевшего сейфа в кабинете главного надзирателя. Я же несла свой блокнот, в котором к записям о симптомах ПТСР добавились зарисовки тех самых панелек из моего детства — Самары, которая оказалась моим единственным щитом задолго до того, как я узнала значение слова «диссоциация».

— Вера, ты уверена, что нам не нужно забрать те образцы в синих колбах? — Яна на ходу запиховала в свой портфель стопку бланков строгой отчетности. — С точки зрения доказательной базы, это бесценные улики. Незаконные медицинские эксперименты на иномирцах — это не просто выговор, это пожизненная дисквалификация Азазеля из списка живых существ.

— Оставь их, Яна, — я поежилась, оглядываясь на темный зев входа. — Эти колбы — яд. Нам достаточно бумаг. Главное — выбраться отсюда, пока стены не начали нашептывать мне новые воспоминания.

Как только мы погрузились в телегу и Брунгильда ударила вожжами, Пустошь встретила нас так, будто мы украли у неё самое дорогое — тишину. Туман за бортом нашей повозки окончательно превратился в плотную серую взвесь, пропитанную сыростью и чьим-то крайне недобрым намерением. Колеса то и дело с хрустом проваливались в невидимые рытвины, заставляя меня вцепляться в деревянный борт так сильно, что костяшки пальцев побелели.

— Николаевна, кончай транслировать в эфир свои страхи! — Галл нервно вцепился когтями в мой плечевой шов, едва не распоров плотную ткань жакета. — Твоя тревога сейчас работает как огромная неоновая вывеска «Бесплатная еда здесь!». Ик! Из-за твоего мандража у меня даже крылья начали зудеть, а это верный признак того, что нас сейчас будут пробовать на зуб.

— Галл, если ты не уберешь свои когти от моей одежды, я сама тебя съем, — я сердито поправила вечно сползающие очки, стараясь при этом не смотреть на Дамиана.

Виконт стоял в полный рост на корме телеги, и его высокая фигура на фоне серого безмолвия казалась пугающе монументальной. После того самого вина и документов из лаборатории он выглядел иначе. В его позе больше не было той обреченности узника; теперь передо мной стоял хищник, почуявший прямую угрозу своей стае.

— Стоим! — басовито рыкнула Брунгильда с козел, с силой натягивая вожжи. — Кобылка дальше не пойдет ни на шаг. Она не самоубийца, в отличие от некоторых благородных лордов!

Из вязкой мглы начали проступать Тени. Это не были живые существа — скорее, рваные куски ожившей тьмы, которые бесшумно скользили по камням, издавая звук, напоминающий шепот тысячи проклятий. Они окружили телегу плотным кольцом.

— Вера, за спину, — коротко бросил Дамиан.

Он мгновенно оказался передо мной. Его собственная Тьма, обычно стелющаяся по дну телеги ленивым дымом, теперь забурилась и вспенилась, как кипящая смола. Но стоило первой Тени совершить стремительный рывок в мою сторону, как золотая нить «Поводка» на моем запястье отозвалась резкой, почти невыносимой жгучей болью. Я вскрикнула от неожиданности, и этот крик стал детонатором.

— Не смей! — я изо всех сил схватила Дамиана за локоть, чувствуя, как от его кожи исходит физический жар. — Не вздумай их атаковать! Если ты сейчас ударишь по ним всей мощью, ты просто выгоришь!

— Я защищу тебя, чего бы мне это ни стоило, — его голос вибрировал от запредельного напряжения.

То, что произошло в следующую секунду, не имело ничего общего с разрушительными залпами Азазеля. Тьма Дамиана не выстрелила вперед мечом. Вместо этого она стремительно, подобно раскрывающемуся черному зонту, расширилась во все стороны, мгновенно накрывая нас и всю телегу целиком непроницаемым, бархатисто-черным куполом.

Тени с глухим звуком бились о внешнюю стену этого кокона, но бессильно растекались по его поверхности. Внутри купола воцарилась странная тишина.

— Ого... — Яна осторожно коснулась кончиком пальца внутренней стороны магической защиты. — Вера, ты только посмотри. С точки зрения права — это самая безупречная самооборона, которую я видела.

Я смотрела не на купол, а на Дамиана. Он тяжело дышал, глядя на свои ладони с изумлением.

— Она не убивает их... — прошептал он, и его голос сорвался. — Она просто не пускает их внутрь. Азазель... он годами внушал мне, что я должен рвать, жечь и уничтожать. Но я... на самом деле я — это щит.

— Ик! — Галл деловито приземлился виконту на плечо. — Наконец-то дошло! Этот старый паук Азазель специально учил тебя выворачивать свою природу наизнанку. Он хотел, чтобы ты считал себя монстром, Вечный Сосуд, а не защитником. Потому что защитника невозможно контролировать страхом.

Я подошла к Дамиану вплотную. Его Тьма, формирующая купол, почувствовала моё движение и ласково коснулась моих волос и щек, обдавая запахом грозового дождя и озона. Теперь всё окончательно встало на свои места: Азазель боялся не разрушительной мощи Дамиана, а его врожденной способности создавать безопасное пространство, которое он, Магистр, никогда не смог бы подчинить.

— Милорд, — я накрыла его горячую ладонь своей рукой. — Кажется, мы только что разрушили самую фундаментальную ложь в вашей жизни. Ваша Тьма любит вас. Она защищает нас не потому, что вы прокляты, а потому, что вы искренне этого хотите.

Золотая нить «Поводка» между нашими руками вспыхнула ослепительным сиянием, прошивая черную сферу кокона яркими нитями. Дамиан посмотрел на меня в упор, и в этом взгляде больше не было места для тени Астарты. Там горела страсть, острая и чистая, и такая нежность, которой он раньше боялся даже в своих мыслях.

— Вера... — он медленно подался вперед, и его дыхание опалило мои губы. — Если я — этот щит, то ты — то самое сокровище, которое этот щит обязан хранить. И я клянусь, я больше не позволю Азазелю решать за нас двоих.

— Кхм! — Яна демонстративно поправила очки. — Я, конечно, за романтическое пробуждение, но Тени снаружи начинают подтягивать подкрепление. Брунгильда, может, мы всё-таки поедem дальше?

— Едем, детоньки! — великанша звонко хлестнула вожжами, и лошадь рванула вперед.

Мы неслись сквозь бесконечный туман внутри своей маленькой крепости. Дамиан так и не отпустил мою руку, и через золотую нить я чувствовала, как его Тьма меняет свою структуру, становясь спокойной и абсолютно смертоносной для любого, кто решит посягнуть на нашу тишину. Мы везли с собой документы, которые станут началом конца Азазеля, и новую силу, которую он больше не сможет укротить.

Глава 7. Психоанализ в кустах

Мы неслись сквозь туман, подгоняемые страхом и новой, пугающей надеждой, пока Пустошь не решила, что на сегодня с нас хватит эпических свершений. Как только первый шок от явления «Тьмы-купола» прошел, кобылка Брунгильды, до этого бодро изображавшая болид Формулы-1, внезапно затормозила так, что Яна едва не впечаталась своим юридическим портфелем в спину Дамиана.

— Всё, приехали! — объявила великанша, спрыгивая с козел. — Кобылка перегрелась, Тьма искрит, а у меня внутри пусто, как в кошельке студента. Нам нужен привал, иначе мы самовоспламенимся раньше, чем доедем до следующей кочки.

Телега замерла в густых зарослях чего-то колючего и подозрительно сиреневого. Дамиан медленно опустил руки, и наш защитный кокон растаял, оставив после себя лишь легкий запах озона и звенящую тишину. Виконт выглядел так, будто только что в одиночку вычерпал Ладожское озеро чайной ложкой. Его пальцы в бинтах всё еще подрагивали, высекая мелкие синие разряды.

— Вера, мне... мне нужно отойти, — выдохнул он, не глядя на меня, и почти бегом скрылся в кустах.

— Остыть ему надо, посмотрите на него! — Галл спикировал на ветку сиреневого куста, едва не перевернувшись от собственной икоты. — Николаевна, твой пациент сейчас либо взорвется от осознания собственной крутости, либо снова начнет ныть про «судьбу-батарейку». Ик! Второй вариант мне нравится меньше, от него у меня шерсть дыбом встаёт. А ну-ка, включай своего внутреннего мозгоправа, пока он там лес не спалил!

Я вздохнула, поправила очки и решительно направилась за Дамианом. Мой профессиональный долг звал меня в чащу, хотя интуиция подсказывала, что психоанализ в колючках — это не совсем то, что описывали в учебниках Фрейда.

Дамиан стоял на небольшой поляне, сжимая и разжимая кулаки. Его Тьма, напитавшаяся вином и яростью в лаборатории, теперь нервно пульсировала вокруг него багровыми всполохами.

— Вера, уйди к телеге, — глухо произнес он, не оборачиваясь. — Я чувствую, как она гудит под кожей. Она требует выхода. Азазель всегда говорил, что я — просто транзистор, сосуд, который обязан разряжаться через разрушение. Если я не выжгу что-нибудь прямо сейчас, она сожрет меня изнутри.

— Так, милорд, — я бесцеремонно уселась на ближайший поваленный ствол и требовательно похлопала по месту рядом с собой. — Хватит изображать из себя неисправный трансформатор. Сядьте и послушайте своего лечащего врача.

Дамиан медленно обернулся. В его глазах плескалась такая смесь боли и силы, что у меня перехватило дыхание, но я держала марку «невозмутимого специалиста из Самары».

— Послушай меня внимательно, — начала я, когда он нехотя опустил рядом. — Азазель годами втирал тебе, что ты — неодушевленный предмет. Батарейка, меч, кувшин... Выбери любой инвентарный номер из списка Ордена. Но ты только что создал щит. Ты потратил энергию на то, чтобы сохранить нас, а не уничтожить врага.

— Но она течет сама по себе... — попытался возразить он.

— Да неужели? — я насмешливо вскинула бровь. — А кто выбрал направление этого потока? Кто решил, что Тени должны остаться снаружи, а мы — внутри этой твоей уютной черноты? Азазель? Нет, он бы заставил тебя превратить их в пепел вместе с Брунгильдой и её запасами муки. Энергия — это просто бензин, Дамиан. А руль — в твоих руках. И если ты сейчас решишь потратить эту «гудящую Тьму» на то, чтобы, скажем, просто согреть мне руки, — я протянула ему свои замерзшие на ветру ладони, — это будет *твой* выбор. Не Бездны. Твой.

Дамиан замер. Его Тьма, до этого нервно пульсировавшая, вдруг затихла, став прозрачно-синей. Он осторожно, почти благоговейно, коснулся моей кожи. По телу мгновенно разлилось удивительное, мягкое тепло.

— Видишь? — прошептала я, чувствуя, как золотая нить между нами начинает петь. — Ты не батарейка. Ты — оператор. И ты только что выбрал не разрушение, а заботу. Как тебе такой психоанализ в кустах?

— Это... странно, — он поднял на меня глаза, и в них больше не было страха, только нестерпимая страсть, которая теперь не обжигала, а согревала. — Ты заставляешь меня верить, Вера, что я имею право чего-то хотеть.

— Имеешь, — я подалась вперед, чувствуя, как очки начинают запотевать. — Больше того, я тебе это официально прописываю. Хотеть, выбирать и... чувствовать.

В этот момент кусты за нашими спинами затрещали с таким грохотом, будто через них продирался целый отряд инквизиторов.

— Ик! — Галл вывалился из веток прямо на нас, обильно посыпая наши головы сиреневой пылью. — Николаевна, спасайся! Там Яна в той папке «Астарта», что вы уволокли, нашла твой старый дневник наблюдений! И она требует консультации, потому что там твоим почерком написано, что несколько лет назад ты считала этого виконта «самым милым магическим существом в этой дыре»! Ик!

Дамиан замер. Его глаза расширились, а Тьма за спиной на секунду приобрела форму вопросительного знака.

— Милым? — Дамиан замер. Его Тьма, только что согревавшая мои ладони, вдруг дернулась и застыла, а в глазах виконта отразилось не любопытство, а настоящий, ледяной ужас. — О чем он говорит, Вера?

Я почувствовала, как земля уходит у меня из-под ног. Сиреневая пыльца, осыпавшаяся с Галла, застыла в воздухе, а слова фамилльяра ударили по голове сильнее, чем магический откат.

— Галл, — мой голос прозвучал чужо и сипло. — Повтори. Что там написано?

— Ик! — Галл неловко переступил лапками по ветке. — «Объект Ноль-Семь проявляет признаки осознанной эмпатии. Сегодня он пытался защитить меня от Тьмы Азазеля. Это самое милое магическое существо в этой дыре, и я сделаю всё, чтобы он забыл этот ужас». Дата — двадцать пять лет назад. Твой почерк, Николаевна. С твоим фирменным завитком на букве «В».

Я медленно поднялась с поваленного ствола, чувствуя, как очки начинают сползать на кончик носа. В голове было абсолютно пусто. Никаких картинок. Никаких звуков. Только серые стены лаборатории и это жуткое чувство «дежавю», которое теперь обрело документальное подтверждение.

— Двадцать пять лет назад... — Дамиан сделал шаг ко мне, и его лицо стало бледнее тумана Пустоши. — Вера, я не помню этого. Я помню Азазеля, помню холодные плиты пола и бесконечную боль. Но я не помню тебя. Почему я не помню тебя, если ты была там и писала обо мне такие вещи?

— Потому что я тоже тебя не помню, Дамиан, — прошептала я, и «Поводок» на моей руке вспыхнул багровым, отвечая на мой внутренний хаос. — В моей памяти на месте этого периода — Самара. Учеба в школе. Но если этот дневник существует... значит, Азазель стер не просто события. Он вырезал нас из жизней друг друга.

Виконт схватил меня за плечи. Его пальцы дрожали, и Тьма вокруг него закрутилась черным вихрем, в котором мелькали искры ярости.

— Он украл это, — Дамиан почти рычал, и это был голос человека, который внезапно обнаружил, что у него украли не кошелек, а душу. — Он заставил меня верить, что я всегда был один. Что единственное живое существо, которое меня касалось — это его плоть. А ты... ты была там. Ты видела во мне что-то «милое», когда я считал себя чудовищем.

Я посмотрела на него, и сквозь пелену шока проступила профессиональная злость психолога, столкнувшегося с запредельной жестокостью. Азазель не просто ставил эксперименты. Он уничтожил саму возможность привязанности, стерев воспоминания о единственном человеке, который сочувствовал «Объекту Ноль-Семь».

— Это... это невозможно, — я попыталась сделать вдох, но воздух казался слишком густым. — Если мы были знакомы, если я пыталась тебя защитить... значит, наша встреча не была случайностью. Поводок не просто «выбрал» меня. Он вернул меня к тебе.

— Ик! — Галл виновато прижал уши. — Яна там уже всю изучает «фазу инициации». Она говорит, что, судя по документам, Азазель стер вам память в один и тот же день. В день «Великого Сбоя». Николаевна, кажется, вы тогда натворили что-то такое, от чего у Магистра до сих пор изжога.

Мы направились обратно к телеге, но теперь каждый шаг давался мне с трудом. Уверенность, которую я пыталась внушить Дамиану пять минут назад, испарилась, сменившись жгучим желанием вцепиться в горло Азазелю. Мы везли с собой не просто «бумажки» для суда. Мы везли доказательства того, что наша жизнь была сконструирована монстром, который боялся нашей связи больше, чем самой Бездны.

Яна встретила нас, стоя на козлах с раскрытой тетрадью в руках. Её лицо, обычно ироничное, сейчас выражало крайнюю степень юридического бешенства.

— Вера, — подруга поправила очки, и её взгляд был острым, как скальпель. — Тут не просто дневник. Тут график твоего «стирания». Азазель потратил на твою память больше ресурсов, чем на годовой бюджет форта. Знаешь, что это значит?

— Что я была очень ценным экспонатом? — горько усмехнулась я.

— Нет, — Яна ткнула пальцем в строчку. — Это значит, что ты знала о нем что-то такое, что делает его «Светлое Величество» обычным военным преступником. И Дамиан был твоим главным свидетелем.

Я посмотрела на виконта. Он стоял у борта телеги, глядя в бесконечную мглу Пустоши. Его Тьма больше не гудела — она ждала. Ждала того момента, когда мы доберемся до «Серого шепота», найдем вино и позволим памяти окончательно пробить плотину, которую возвел Азазель.

Теперь это был не просто побег. Это была война за возвращение самих себя. И, судя по искрам, которые теперь летели от Дамиана, пленных в этой войне брать не собирались. Даже если одним из них был «самый милый» в мире монстр.

Глава 8. Юридический десант

Тишина, воцарившаяся после моих откровений в кустах и находки Галла и Яны, была такой плотной, что её можно было резать кухонным тесаком Брунгильды. Мы медленно брели обратно к телеге, и каждый мой шаг отдавался в голове набатом: «Двадцать пять лет. Четверть века лжи». Дамиан шел рядом, и от него исходил такой холод, что сиреневые цветы, мимо которых он проходил, мгновенно покрывались инеем и испуганно сворачивались.

На козлах нас уже ждала Яна. Она не просто сидела — она восседала на мешках с мукой, как на судейской кафедре. Вокруг неё веером были разложены пожелтевшие листы, вырванные из папок «Проекта Астарта», а в зубах она зажала ручку — верный признак того, что адвокат внутри неё вышел на тропу войны и пленных брать не намерен.

— Вера, Дамиан, — произнесла она голосом, от которого у любого чиновника Ордена случился бы непроизвольный паралич кишечника. — Подойдите ближе. У нас тут наметился коллективный иск, масштаб которого не снился даже самым оптимистичным стервятникам из Гааги.

Яна поправила очки, которые грозно сверкнули в сумерках Пустоши.

— Я изучила архивы «Фазы инициации». Галл был прав насчет дневника, но он, как типичное магическое существо с интеллектом на уровне микроволновки, упустил суть. Вера, ты не просто «наблюдала» за объектом Ноль-Семь. Вы были частью одной замкнутой системы.

— Ик! — Галл обиженно надулся и спрятал голову под крыло. — Я нашел главную улику, а меня теперь с бытовой техникой сравнивают! Неблагодарные!

Дамиан оперся рукой о борт телеги, и дерево под его пальцами жалобно затрещало. — Говори прямо, Яна. Что там?

— А там у нас, милорд, классика жанра — сокрытие тяжкого преступления путем полной лоботомии памяти, — Яна выудила из стопки листок с водяным знаком Магистра. — Слушайте внимательно: «Отчет об инциденте в Секторе А. Объект Ноль-Семь совершил несанкционированный выброс энергии защитного типа. Вопреки заложенной программе разрушения, объект использовал Тьму для стабилизации жизненных показателей Созидателя (Объект Астарта) во время критического сбоя реактора».

Я почувствовала, как у меня подкосились ноги. — То есть... Дамиан меня не просто «жалел»?

— Он тебя вытащил, Вера! — Яна победно потрясла листком. — Когда в лаборатории рвануло — а судя по отчетам, там рвануло знатно из-за твоих попыток нарисовать Самару в натуральную величину — Азазель приказал бросить тебя как «дефектный материал». Но наш виконт, которому тогда было лет девять, решил иначе. Он накрыл тебя тем самым куполом, который мы видели сегодня, и на своих двоих вынес из горящего сектора. Он сжег свои тогдашние резервы в ноль, чтобы ты не задохнулась.

Дамиан замер. Его Тьма, до этого нервно вившаяся вокруг, вдруг застыла, а потом начала медленно втягиваться в его тело, обнажая его лицо — бледное, с лихорадочно блестящими глазами.

— Я спас её... — прошептал он, и в этом шепоте было столько боли, что мой внутренний психолог просто забился под лавку и отказался выходить. — А он заставил меня забыть. Он стер это, заменив воспоминанием о том, что я разрушил ту лабораторию и убил всех, кто там был.

— Именно! — Яна спрыгнула с телеги, её глаза горели инквизиторским азартом. — С точки зрения Азазеля, это был двойной провал. Во-первых, его идеальное оружие проявило волю и милосердие. Во-вторых, его лучший Созидатель — то есть ты, Вера — остался жив благодаря привязанности. Азазелю не нужны были два любящих друг друга ребенка, ему нужны

были две батарейки. Поэтому он разлучил вас, стер память Дамиану, внушив ему вину за «уничтожение» лаборатории, а ты после этого каким-то образом сама прорвалась в Самару и запечатала память так глубоко, что Азазель потерял к тебе доступ и даже не смог понять, как именно ты сбежала.

Я подошла к Дамиану и осторожно, боясь, что он сейчас разлетится на осколки, коснулась его предплечья. «Поводок» на моей руке больше не жег — он пульсировал глубоким, ровным теплом, словно приветствовал старого друга.

— Значит, — я посмотрела в его синие глаза, — всё это время, все эти двадцать пять лет ты жил с грузом вины за преступление, которого не совершал? Ты ненавидел свою Тьму, потому что думал, что она убила меня и остальных?

— Он сделал из моего величайшего подвига мой самый страшный кошмар, — голос Дамиана был похож на скрежет металла по камню.

— Это не просто статья «Превышение полномочий», — Яна уже что-то яростно строčila в своем блокноте. — Это похищение личности, фальсификация истории и нанесение непоправимого морального вреда в особо крупных размерах. Дамиан, когда мы доберемся до Цитадели, я не просто подам в суд. Я устрою Азазелю такой юридический десант, что он будет мечтать о камере в самой глубокой Бездне как о курорте!

— Юридический десант — это хорошо, — Брунгильда, до этого молча помешивавшая что-то в котелке, подняла на нас глаза. — Но пока что у нас из оружия только портфель Яны и икающее недоразумение. И нам всё еще нужно в «Серый шепот» за вином, потому что Дамиану понадобятся все его силы, когда Магистр поймет, что его «батарейки» начали что-то подзревать.

Дамиан внезапно обернулся ко мне. Страсть, которая раньше была лишь искрой, теперь полыхнула в его взгляде настоящим пожаром. Он схватил мои руки, сжимая их в своих горячих ладонях.

— Вера, ты понимаешь? — прошептал он, игнорируя тактичное покашливание Яны. — Если это правда... значит, я всегда был твоим защитником. Даже когда не знал твоего имени. Даже когда Азазель пытался сделать из меня монстра. Моя Тьма... она всегда была предназначена для тебя.

— Кажется, мой диагноз насчет «адаптивной симпатичности» нужно менять на «хроническую героическую самоотверженность», — я попыталась пошутить, но голос дрогнул, и я просто уткнулась лбом в его плечо. — Ты спас меня, Дамиан. Двадцать пять лет назад.

— И спасу снова, — отрезал он, и его Тьма вдруг мягко обняла нас обоих, отсекая холодный ветер Пустоши. — Теперь я знаю, за что сражаюсь. Не за прощение Азазеля. А за каждый год, который он у нас украл.

— Ик! — Галл высунулся из-под крыла. — Ну вот, опять обнимашки. А документы кто упаковывать будет? Николаевна, твоему виконту теперь нужно в два раза больше вина, у него мотивация выросла до небес! Навигатор, вперед! В «Серый шепот»!

Мы грузились в телегу уже совсем в другом настроении. Боль никуда не ушла, но на смену растерянности пришла холодная, расчетливая ярость. Мы больше не были случайными попутчиками. Мы были двумя половинами одной разбитой картины, которые Магистр так старательно прятал друг от друга четверть века.

— Яна, — позвала я подругу, когда телега тронулась. — А что там в дневнике было про котенка?

— А, это, — Яна усмехнулась, перелистывая страницы. — Тут написано, что объект Ноль-Семь три дня прятал за пазухой облезлого котенка и подкармливал его своей магической энергией, пока Азазель не нашел его. Ты тогда написала: «Если он может любить даже это несчастное создание, у этого мира есть шанс».

Я посмотрела на Дамиана. Он сидел на краю телеги, глядя на свои руки, и в его глазах больше не было тьмы — только свет далекой, только что обретенной истины. Двадцать пять лет лжи начали рассыпаться, и я знала: когда мы доберемся до Магистра, никакой «юридический десант» не спасет его от того, что мы для него приготовили.

— Брунгильда, гони! — скомандовала я, поправляя очки. — У нас по плану великое возмездие, и я не хочу на него опоздать из-за медленной лошади.

Пустошь впереди всё еще была темной и опасной, но теперь у нас была карта, дневник и ярость, способная зажечь даже самое черное солнце.

Несколько слов от автора

♥# Дорогие читатели!

«Дипломированные попаданки» — это целый мир, в котором героини из нашего времени решают магические катастрофы знаниями, профессией, логикой и очень крепкими нервами.

В последний день месяца в моём блоге проходят розыгрыши книг.

Буду очень рада видеть вас среди моих постоянных читателей ♥#

Глава 9. Резонанс в Скиту

Телега Брунгильды катилась по знакомой каменистой тропе, и у меня возникло стойкое чувство дежавю, смешанное с кислым привкусом страха. Мы снова были здесь — у Скита Молчальников. Но если в прошлый раз, в конце нашего первого побега, это место казалось нам просто временным убежищем, то теперь оно выглядело как операционная, где нам предстояло вскрыть нарыв собственного прошлого.

— Всё, приехали, — Брунгильда резко натянула вожжи. — Кобылка этот запах за версту чует. Молчальники нас уже ждут, и, судя по тому, как дрожит воздух, они в курсе, что мы притащили с собой не только архивные папки, но и ярость размером с небольшое королевство.

Я спрыгнула на землю, и ноги тут же отозвались гулом. В прошлый раз я лишь ощущала здесь странную тишину, но сейчас, после того как Дамиан принял «Слёзы Бездны», а я увидела свои рисунки в лаборатории, Скит зазвучал иначе. Это была не тишина. Это был ультразвук, от которого зубы начинали ныть, а золотая нить «Поводка» на моем запястье натянулась, как струна перед разрывом.

— Вера, ты в порядке? — Дамиан мгновенно оказался рядом. Его Тьма теперь не пряталась, она окутывала его плечи тяжелым плащом, в котором вспыхивали лазурные искры. — Помнишь, что старейшина говорил нам в прошлый раз? Здесь наши силы не работают против нас. Здесь мы — это просто мы.

— В прошлый раз я была пациентом в шоке, Дамиан, — я поправила очки, которые теперь едва заметно светились золотистым. — А теперь я — Созидатель, который прочитал свою «инструкцию по эксплуатации» в дневнике Азазеля. Я не просто чувствую тишину, я слышу, как она структурирована.

Мы вошли в центральное ущелье. Молчальники, эти живые изваяния в серых робах, стояли вдоль скал. Их зашитые рты больше не пугали меня так, как раньше. Теперь я понимала: они молчат не потому, что им нечего сказать, а потому, что их мысли слишком тяжелы для обычного воздуха.

— Ик! — Галл спикировал мне на плечо, нервно переступая лапками. — Николаевна, в тот раз ты здесь просто в обморок швырялась, а сейчас у тебя аура такая, что Молчальники начали креститься, если бы умели. Ты фонишь, как неисправный реактор!

— Это не фон, Галл, — я закрыла глаза, и реальность перед моим внутренним взором рассыпалась на геометрические контуры. — Это резонанс.

Стоило нам дойти до центрального камня, где в прошлый раз Дамиан пытался усмирить свою Тьму, как из кельи вышел старик, мы не встречали его раньше, но он наблюдал за нами. Его «голос» зазвучал в моей голове.

«Вы вернулись с грузом правды, который тяжелее камней этой горы. В прошлый раз вы искали здесь покоя. Теперь вы ищете способ превратить покой в оружие».

Дамиан сделал шаг вперед, и его Тьма-щит непроизвольно расширилась, соприкасаясь с невидимыми стенами Скита. — Мы нашли архивы, отец. Я знаю, что сделал Азазель. Я знаю, что мой Сосуд — это не тюрьма, а дом, который он заставлял меня сжигать.

Старик кивнул, и его взгляд переместился на меня. *«А ты, маленькая художница. Ты наконец поняла, что Самара стала твоим первым якорем и первой дорогой в другой мир? Молчальники хранили тишину для твоих сил двадцать пять лет. Но теперь плотина прорвана. Садись. Слушай. Созидай не из страха, а из осознания».*

Я опустилась прямо на холодный камень. В прошлый раз я сидела здесь, дрожа от холода, а Дамиан кутал меня в свой плащ. Сейчас мне было жарко. Я протянула руку, и воздух между пальцами начал густеть.

— Яна, дай дневник, — попросила я, не открывая глаз.

Подруга подошла и вложила мне в руку пожелтевшую тетрадь. Стоило мне коснуться бумаги, как резонанс Скита подхватил мои воспоминания. Я «увидела» каждую строчку, написанную детской рукой. Я увидела маленького Дамиана в Скиту двадцать пять лет назад, когда Азазель привозил его сюда «чинить».

— Ты прятал здесь птицу... — прошептала я, и в центре Скита вдруг начал материализоваться призрачный, золотистый контур того самого камня и крошечного существа под ним. — Ты не просто защищал её, Дамиан. Ты создал для неё микромир, где не было холода Пустоши. Мы делали это вместе. Я рисовала тепло, а ты удерживал его своей Тьмой.

Дамиан опустился на колени передо мной, перехватывая мои ладони. В эту секунду Скит Молчальников перестал быть просто местом — он стал нашим общим сознанием. Поводок между нами вспыхнул ослепительным светом, но это не была боль. Это было воссоединение.

— Юридически это выглядит как восстановление прав собственности на собственную магию, — голос Яны донесся откуда-то издалека, из «внешнего» мира. — Но с точки зрения зрелищности... Вера, ты сейчас создаешь купол, который по плотности превосходит защиту Цитадели.

Я открыла глаза. Мы были в центре огромной золотисто-черной сферы. Моё созидание давало структуру — крепкие, невидимые нити, похожие на арматуру. А Тьма Дамиана заполняла эти пустоты, создавая непроницаемую броню.

— Вот чего на самом деле боялся Азазель, — выдохнул Дамиан, глядя на наши переплетённые руки. — Не тебя как Астарту и не меня как Сосуда по отдельности, а того, что произойдёт, если Созидатель и Сосуд объединятся в резонансе. Вместе мы можем переписать законы Пустоши.

— Ик! — Галл восхищенно зацокал языком. — Николаевна, ты посмотри! Ты только что нарисовала в воздухе чашку кофе! Настоящую! С пенкой!

Я действительно увидела на камне маленькое, золотистое очертание чашки. Оно растаяло через секунду, но это был знак. Я больше не «бредила» Самарой. Я начинала управлять реальностью здесь и сейчас.

— Нам пора, — я поднялась, чувствуя в теле невероятную легкость. — В прошлый раз мы уходили отсюда как беглецы. Сейчас мы уходим как законные владельцы этого мира. Брунгильда, готовь телегу. У нас впереди Цитадель, и я хочу нарисовать на её воротах слово «Свобода». Причем так, чтобы Азазель не смог его стереть.

Дамиан притянул меня к себе, и его поцелуй в центре Скита был на вкус как озон и победа. Молчальники стояли вокруг, и я готова была поклясться, что слышу их коллективное, одобрительное молчание.

Глава 10. Мятная связь

Скит Молчальников остался позади, растворившись в сером мареве Пустоши, но резонанс, проснувшийся в моих жилах, никуда не исчез. Напротив, он уютно свернулся где-то в районе солнечного сплетения, мурлыча, как сытый кот. Телега Брунгильды мерно покачивалась, Яна на заднем сиденье увлеченно черкала в блокноте, периодически бормоча под нос что-то вроде: «Статья сто сорок восемь, пункт Б, конфискация имущества в пользу пострадавших психологов», а Галл... Галл просто спал, засунув голову под крыло и периодически икая во сне так, что из его пасти вылетали крошечные фиолетовые пузыри.

Вечер опустился на Пустошь внезапно, окрасив горизонт в цвет переспелой сливы. Дамиан сидел напротив меня, прислонившись спиной к борту телеги. После резонанса в Скиту он выглядел иначе. В его взгляде больше не было той загнанной тоски, которая преследовала его с момента нашей встречи в Эверби. Он смотрел на меня так, будто я была единственным четким объектом в этом расплывчатом, хаотичном мире.

— О чем ты думаешь, Вера? — его голос прозвучал низко, вибрируя в унисон с «Поводком» на моем запястье.

— О том, что мой диплом психолога сейчас официально превращается в тыкву, — я поправила очки и устало улыбнулась. — Нас учили работать с травмами, Дамиан. Но нас не учили, что делать, если твоя травма — это результат магического заговора мирового масштаба, а твой главный пациент — виконт с Тьмой, которая греет мне ноги лучше, чем любой шерстяной плед.

Дамиан усмехнулся, и эта улыбка — редкая, искренняя — на мгновение превратила его из грозного оружия Азазеля в того самого «милого существа», о котором я писала в дневнике двадцать пять лет назад.

Он потянулся к карману своего походного плаща и замер, нащупав что-то на дне. Его брови удивленно взлетели вверх.

— Кажется, я нашел это, когда мы забирали вещи из лаборатории, — он медленно вытянул руку, раскрывая ладонь.

На его длинных, перевитых бинтами пальцах лежала маленькая, помятая подушечка мятной жвачки. Последняя. Из той самой пачки, которую я привезла с собой из Самары через портал. Она выглядела как крошечный артефакт из другого измерения — белая, пахнущая ментолом и домашним уютом.

— О боже... — я невольно подалась вперед. — Я думала, она потерялась еще в форте.

— Она завалилась за подкладку, — Дамиан бережно поднес её к лицу, вдыхая резкий, чистый аромат. — Для тебя это просто сладость, Вера. А для меня... это запах мира, в котором нет боли. Мира, который ты построила вокруг себя.

Я смотрела на эту жвачку и видела в ней не просто сахар и резину. В ней была моя Самара. Шум лифта в девятиэтажке, крики детей на площадке, вечная очередь за хлебом и запах мокрого асфальта после летнего дождя. Всё то, что Азазель считал моей «галлюцинацией», но что спасло меня от безумия в бетонном склепе.

— Хочешь? — я протянула руку, но Дамиан покачал головой.

— Нет. Я хочу, чтобы её съела ты. Но при одном условии.

— Психолог здесь я, Дамиан, — я прищурилась, чувствуя, как между нами начинают летать те самые искры, которые не имели никакого отношения к магии. — Условия ставлю я.

— В этой Пустоши, Вера Николаевна, я — ваш единственный страховой агент, — парировал он, и в его глазах заплясали чертики. — Моё условие простое: поделись со мной этим... вкусом. Не магией, не резонансом. Просто вкусом Самары.

Я почувствовала, как щеки начинают гореть. Психолог во мне (или, скорее, влияние Яны) советовал уточнить технические детали «дележа», но женщина внутри просто перестала дышать.

Я взяла подушечку, развернула её и положила в рот. Взрыв мяты был таким резким, что на глазах выступили слезы. Это был вкус свободы. Вкус нормальности.

Дамиан не стал ждать. Он подался вперед, сокращая и без того призрачную дистанцию. Его рука легла мне на затылок, пальцы запутались в моих волосах, слегка потянув их назад. Я почувствовала запах озона, холодного пламени и той самой «Эссенции Бездны», которая всё еще циркулировала в его крови.

Его губы коснулись моих — сначала осторожно, словно он боялся, что я рассыплюсь на золотистые искры, как мои рисунки в Скиту. Но когда я ответила, притягивая его за ворот плаща ближе, поцелуй стал глубоким, отчаянным и пронзительно мятным.

Это было не просто физическое влечение. Это была передача данных. Через этот поцелуй я транслировала ему всё: шум самарских трамваев, свет кухонного абажура, вкус маминых блинов и тишину субботнего утра. Я отдавала ему свою «нормальность», а он принимал её, заполняя пустоты в своей израненной душе.

Тьма Дамиана в этот момент не вздыбилась защитным куполом. Она нежно окутала нас, создавая интимную сферу, внутри которой время остановилось. «Поводок» на руке сиял мягким, ровным золотом, подтверждая: мы — одно целое. Не Сосуд и Крышка. А мужчина и женщина, нашедшие друг друга в эпицентре апокалипсиса.

— Хм! — раздался громкий, подчеркнуто официальный кашель Яны. — Я, конечно, всё понимаю. «Мятная связь», резонанс и всё такое... Но если вы сейчас не прекратите обмениваться самарскими бактериями, Галл проснется и начнет давать советы по технике поцелуя. А я этого не переживу морально. К тому же, у нас тут юридический казус: по законам публичное проявление чувств в присутствии адвоката карается... ммм... назначением свидания в более приличном месте.

Мы нехотя отстранились друг от друга. Дамиан тяжело дышал, его глаза сияли таким ярким синим светом, что в телеге стало светло, как днем. Он слизнул капельку ментоловой прохлады со своих губ и улыбнулся — победно и хищно.

— Теперь я знаю, как на вкус звучит твой город, Вера, — прошептал он. — И я клянусь: когда мы закончим с Азазелем, я отвезу тебя в Самару. По-настоящему. И мы купим там столько этой жвачки, что сможем заклеить ею вход в Бездну.

— Ик! — Галл открыл один глаз и подозрительно уставился на нас. — Почему пахнет мятой? Николаевна, ты опять занималась самолечением пациента без ведома навигатора? Смотри, от передозировки нежности у виконта может развиваться аллергия на разрушение.

— Спи, Галл, — буркнула я, поправляя растрепанные волосы. Сердце колотилось в ребра, как пойманная птица.

— Кстати о разрушении, — Яна внезапно посерьезнела, глядя в свои бумаги. — Насчет жвачки — это мило. Но у нас тут проблема. Азазель оставил в этих документах «закладку». Вера, ты слышишь?

Я прислушалась. Резонанс, который только что был ласковым и теплым, вдруг сменил тональность. В тишине Пустоши, за границами нашего маленького мятного рая, нарастал другой звук. Холодный, металлический звон, от которого по спине пробежал мороз.

— Это не Скит, — Дамиан мгновенно подобрался, его Тьма из нежной вуали превратилась в ошетилившийся щит. — Это он. Он выходит на связь.

Впереди, прямо по курсу нашей телеги, туман начал сгущаться, принимая очертания высокой, пугающе знакомой фигуры в белой мантии. Магистр Азазель не собирался ждать, пока мы доберемся до его Цитадели. Он решил, что пора напомнить своим «батареикам», кто здесь настоящий хозяин.

Я сжала руку Дамиана. Вкус мяты во рту мгновенно сменился привкусом железа. Наша передышка закончилась.

— Ну что, милорд, — прошептала я, чувствуя, как внутри просыпается та самая «Астарта», которую я так боялась. — Кажется, пришло время проверить, насколько твоя Тьма-защитница устойчива к внушению «папочки».

Дамиан не ответил, но его хватка была железной. Мы были готовы. Последняя жвачка была съедена, мосты сожжены, а впереди нас ждал тот, кто украл у нас двадцать пять лет жизни. И я была твердо намерена выписать ему направление в ад — без права на апелляцию.

Глава 11. Появление Азазеля

Мягкое послевкусие еще холодило губы, когда реальность вокруг телеги начала расслаиваться, как старый пергамент под дождем. Туман Пустоши, до этого аморфный и ленивый, вдруг приобрел структуру, закручиваясь в воронку прямо перед мордой нашей испуганной кобылки.

— Ик! — Галл подпрыгнул на месте, едва не свалившись с борта. — Николаевна, прячь жвачку, к нам летит начальство! И вид у него такой, будто он узнал, что мы вычеркнули его из списка наследников!

Дамиан среагировал мгновенно. Он не просто встал — он заслонил меня собой, и его Тьма, напитавшаяся эссенцией в «Сером шепоте», рванула вверх, создавая ту самую черную стену, которую мы тренировали в Скиту. Но фигура, сотканная из белого света и ледяной пыли, даже не вздрогнула.

Магистр Азазель выглядел так, будто сошел с плаката «Идеальный деспот года». Белоснежная мантия, лицо, лишенное морщин, но прорезанное глубокими тенями в уголках глаз, и взгляд, в котором не было ничего, кроме холодного расчета. Это была проекция — плотная, почти осязаемая, пахнущая озоном и высокомерием.

— Дамиан, — голос Магистра прозвучал не из воздуха, а прямо в наших черепных коробках, заставив мои зубы занять. — Я вижу, ты нашел себе занятие по душе. Психоанализ, поцелуи в кустах... Ты всегда был склонен к дешевому драматизму, но это уже за гранью приличия.

— Уходи, Азазель, — голос Дамиана вибрировал от такой ярости, что «Поводок» на моем запястье стал горячим. — Твои фокусы на нас больше не действуют. Мы видели архивы. Мы знаем про Сектор А.

Азазель изящно наклонил голову, и в этом жесте было столько издевательской грации, что мне захотелось запустить в него своим блокнотом.

— Ах, архивы... — Магистр мягко улыбнулся, и от этой улыбки по спине пробежали ледяные мурашки. — Ты думаешь, что если ты узнал правду о прошлом, то стал свободен? Глупый мальчик. Ты — Сосуд. Самый мощный, самый нестабильный и самый опасный артефакт, который я когда-либо создавал. И ты прекрасно знаешь, что случается с переполненным сосудом, у которого сорвало резьбу.

Он перевел взгляд на меня, и я почувствовала, как меня буквально просвечивают рентгеном.

— А ты, Вера... Наша маленькая «Астарта». Ты думаешь, что твоя Самара — это твой выбор? Это я позволил тебе построить этот картонный город в твоей голове. Я дал тебе время передохнуть, пока Сосуд подрастал. Но игра затянулась.

— С точки зрения юриспруденции, — внезапно вклинилась Яна, поправляя очки с таким видом, будто собиралась зачитать права самому дьяволу, — ваше появление здесь является незаконным вторжением в личное пространство и психологическим давлением на свидетелей. У нас есть документы, Магистр. И если ваша проекция не исчезнет через пять секунд, я добавлю к иску еще и статью о преследовании.

Азазель даже не повернул головы в её сторону. Для него мы все были лишь помехами на заднем плане. Его целью был Дамиан.

— Посмотри на свою руку, виконт, — прошептал Магистр. — Золотая нить сияет, не так ли? Ты думаешь, это любовь? Нет, это механика. Ты — бездонная бочка с порохом, Дамиан. А она — единственная крышка, которая удерживает тебя от того, чтобы превратить эту Пустошь в выжженную пустыню. Без неё ты взорвешься через три дня. Твоя Тьма сожрет тебя, вывернет наизнанку и оставит от твоего благородного сердца лишь горстку пепла.

— Я больше не боюсь взрыва, — отрезал Дамиан, делая шаг вперед, в самое сияние проекции. — Я лучше сгорю сам, чем позволю тебе снова использовать нас.

— О, как героично! — Азазель рассмеялся, и этот звук был похож на хруст битого стекла. — Но подумай о ней. Если ты взорвешься, «Поводок» утянет её за собой. Ты готов убить свою «милую Веру» только ради того, чтобы доказать мне свою независимость? Ты — сосуд, она — крышка. Это физика, Дамиан. Вы созданы друг для друга не судьбой, а моим скальпелем. Она нужна тебе, чтобы не сойти с ума, а ты нужен ей, чтобы её сила Созидателя имела опору. Без тебя она просто растворится в своих галлюцинациях, став частью нарисованной Самары навсегда.

Я почувствовала, как рука Дамиана, сжимавшая мою ладонь, мелко задрожала. Магистр бил по самому больному — по нашему страху друг за друга.

— Хватит! — я вышла вперед, становясь рядом с виконтом. — Ваша «физика» не учитывает одного, Магистр. Вы стерли нам память, но вы не смогли стереть резонанс. Мы — не ваши инструменты. И если Дамиан — сосуд, то я выбираю быть не крышкой, которая его запирает, а порталом, через который его сила станет светом.

Азазель сузил глаза. На мгновение в его идеальном лице проступила истинная натура — хищная, древняя и бесконечно одинокая в своей жажде власти.

— Порталом? — переспросил он. — Какая поэтичная чушь. Что ж, наслаждайтесь своей «свободой», пока Поводок не начал душить вас обоих. Дамиан, помни мой совет: когда внутри начнет жечь так, что захочется содрать с себя кожу — посмотри на Веру. И спроси себя, действительно ли ты хочешь, чтобы она видела твой конец.

Проекция начала таять, рассыпаясь искрами.

— Жду вас в Цитадели, — донеслось из пустоты. — И приготовься, Вера. Астарта не любит, когда её заменяют мятной жвачкой. Она вернется. И когда она вернется, ты сама принесешь мне ключи от его ошейника.

Тишина, наступившая после его исчезновения, была оглушительной. Туман снова стал просто туманом, но тепло поцелуя в прошлом окончательно испарилось. Дамиан стоял неподвижно, глядя на свои руки, по которым всё еще пробегали синие разряды.

— Он лжет, — сказала я, хотя мой голос предательски дрогнул. — Дамиан, посмотри на меня. Он просто пытается нас запугать.

— А что если нет, Вера? — он медленно повернулся ко мне, и в его глазах я увидела тот самый страх, который Азазель так старательно взращивал двадцать пять лет. — Что если я действительно убью тебя, просто существуя рядом?

— Ик! — Галл приземлился на плечо виконта и больно клюнул его в ухо. — Кончай ныть, милорд! Магистр всегда был мастером спецэффектов. Николаевна, дай ему еще жвачки, а то у него опять начался приступ «я-монстр-уходи-от-меня».

Яна подошла к нам и молча положила руку на плечо Дамиана. — С точки зрения обвинения, Азазель только что признал факт незаконного удерживания и манипуляции. Это идет в дело. А насчет «взорвешься»... У нас есть Брунгильда, есть Скит и есть Вера, которая только что научилась слышать камни. Мы найдем способ обмануть твою физику, Магистр.

Дамиан глубоко вздохнул, и его Тьма постепенно улеглась, снова превратившись в спокойный шлейф. Он посмотрел на меня, и в этом взгляде была такая невыносимая нежность, смешанная с решимостью, что я поняла: Азазель проиграл этот раунд.

— Едем дальше, — скомандовал Дамиан. — Мы доберемся до Цитадели раньше, чем его пророчества начнут сбываться.

Телега тронулась, но я не могла забыть последние слова Магистра. «Астарта не любит, когда её заменяют». В глубине моего сознания, там, где раньше была только тихая Самара, вдруг шевельнулось что-то холодное и абсолютно равнодушное.

Я поправила очки, стараясь скрыть дрожь в руках. Я чувствовала: следующая встреча с прошлым изменит нас навсегда. И, возможно, Азазель был прав в одном — у каждой крышки есть свой предел прочности.

Глава 12. Протокол Астарта

После того как проекция Азазеля растаяла в воздухе, в телеге воцарилась такая тишина, что было слышно, как в соседнем измерении падают котировки магических акций. Дамиан сидел неподвижно, сжимая кулаки так, что костяшки пальцев белели даже сквозь бинты. Его Тьма, напитавшаяся ядом слов Магистра, лениво облизывала борта повозки, оставляя на дереве черный иней.

— Ну, что я могу сказать, — подала голос Яна, демонстративно захлопывая папку. — С точки зрения корпоративной этики, Магистр только что совершил каминг-аут как самый токсичный руководитель года. «Ты — сосуд, она — крышка»... Какая пошлая метафора! Дамиан, не вздумай в это верить. Это же типичный магический газлайтинг.

— Газлайтинг — это когда тебе внушают, что ты сумасшедший, Яна, — Вера поправила очки, стараясь унять дрожь в коленях. — А когда тебе говорят, что ты — магическая бомба замедленного действия, это уже баллистическая экспертиза.

— Ик! — Галл высунулся из-под навеса, нервно поправляя рожки. — Николаевна, ты лучше посмотри на свой Поводок. Он светится так, будто внутри него застрял светлячок-переросток. Похоже, «крышка» начинает вибрировать от возмущения.

Вера взглянула на запястье. Золотая нить действительно пульсировала. Но это не было теплым резонансом Самары. Это был холодный, ровный ритм, напоминающий работу точного швейцарского механизма.

— Нам нужно вернуться в Скит, — внезапно произнес Дамиан. Его голос был странным — слишком ровным. — Он сказал, что я взорвусь. Я чувствую, как внутри закипает энергия, которую я не могу удержать. Азазель снял какой-то предохранитель через свою проекцию. Вера, если мы не доберемся до Молчальников сейчас, я... я не доеду до Цитадели.

Брунгильда, не дожидаясь команды, резко развернула повозку. Кобылка заложила такой вираж, что Галл с криком «Абордаж!» вцепился в рюкзак Веры. Они неслись обратно к скалам Скита, и воздух вокруг них становился всё гуще.

Когда они влетели в ущелье Молчальников, Пустошь окончательно сошла с ума. Ветер был на ультразвуке, а камни вокруг начали едва заметно вибрировать. Старейшина Скита уже стоял в центре круга. Его зашитый рот оставался неподвижным, но в голове у каждого из них громом отозвалось: *«Началось. Полярность меняется. Сосуд переполнен, Созидатель требует формы»*.

— Сделайте что-нибудь! — крикнула Вера, спрыгивая с телеги. — Он горит изнутри!

Дамиан упал на колени в центре каменного круга. Его Тьма больше не была куполом. Она превратилась в ревущий смерч, который вырывался из его груди, стремясь поглотить всё живое. Вера бросилась к нему, игнорируя крики Яны и предупреждающий клекот Галла.

— Дамиан! Посмотри на меня! Мята, Самара, девятиэтажки... вспомни! — она схватила его за руки, и в ту же секунду золотая нить между ними вспыхнула так ярко, что мир на мгновение ослеп.

И тут произошло то, чего не ожидал никто.

Резонанс Скита, усиленный магическим «допингом» Дамиана и собственной пробуждающейся силой Веры, вошел в критическую фазу. Вера почувствовала, как её сознание начинает стремительно расширяться, заполняя собой всё ущелье. Самара... она начала таять. Её уютные панельки, вкус жвачки, шум лифта — всё это вдруг показалось мелким, незначительным шумом на фоне ледяной бесконечности космоса.

«Загрузка завершена», — произнес в её голове голос, который не принадлежал ни ей, ни Азазелю.

Зрение Веры изменилось. Она видела не Дамиана — она видела Объект №07. Она видела не любимого мужчину, а нестабильную энергетическую структуру, требующую немедленной калибровки. Её чувства... они не исчезли. Они просто стали... лишними. Как старые обои в операционной.

Вера медленно поднялась. Очки съехали на кончик носа, но она не стала их поправлять. Ей больше не нужна была оптика, чтобы видеть истину. Дамиан поднял на неё глаза, полные боли и отчаяния. Его Тьма билась о её ладони, но теперь она не обжигала. Она подчинялась.

— Вера? — прошептал он, и в его голосе было столько надежды, что на секунду где-то в глубине души героини шевельнулась жалость. Но её тут же подавило мощным потоком чистого, ледяного Созидания.

Вера посмотрела на него сверху вниз. Её лицо застыло, превратившись в маску из безупречного фарфора. Золотая нить на её запястье теперь напоминала лазерный луч, жестко фиксирующий Сосуд в пространстве.

— Объект стабилизирован, — произнесла она. Голос был её, но в нем появилась сталь, способная резать алмазы. — Критическая масса удержана.

— Вера, что ты говоришь? — Яна подбежала ближе, но резко остановилась, наткнувшись на её взгляд. — Ты... ты выглядишь как...

— Как Астарта, — закончил за неё Галл, и в его голосе впервые за всё время послышался настоящий, животный ужас. — О боже, Николаевна... она ушла в глубокий оффлайн.

Дамиан потянулся к её руке, пытаясь нащупать ту нежность, что была между ними в телеге. — Вера, вернись. Посмотри на меня. Это я, Дамиан. Мы... мы поедem в Самару. Ты обещала.

Вера медленно убрала руку. Каждое её движение было выверено до миллиметра, лишено всякой человеческой неловкости.

— Самара — это статистическая погрешность, Дамиан, — ответила она, и каждое слово падало в тишину Скита как кусок льда. — Протокол «Психолог» завершен. Данные о переносе и контрпереносе удалены как нерелевантные для миссии.

Она подошла к нему вплотную. Его Тьма, почуяв хозяйку, мгновенно свернулась у её ног, признавая абсолютную власть. Она коснулась его подбородка, заставляя смотреть себе в глаза. В её зрачках больше не было мятного тепла — только золотая бесконечность Астарты, в которой не было места для любви.

— Пациент, вы свободны от эмоциональной зависимости, — произнесла она, и на её губах появилась тень улыбки, от которой Дамиан содрогнулся. — Я больше не чувствую к вам жалости. А значит, мы наконец-то можем приступить к настоящей работе. Азazel ждет нас. И на этот раз... мы не будем просить у него прощения. Мы заберем то, что принадлежит нам.

— Вера, нет! — вскрикнул Дамиан, хватая её за плечи. — Борись с этим! Ты — Вера Николаевна, ты психолог из Самары!

Вера посмотрела на его руки на своих плечах как на досадную помеху.

— Вера Николаевна осталась в нарисованном киоске, — холодно ответила она. — Теперь здесь я. И поверь, Дамиан... так будет гораздо эффективнее. Поводок больше не тянет. Он управляет.

Она развернулась и направилась к телеге. Её походка была легкой, властной и совершенно чужой. Яна стояла, прикрыв рот рукой, Галл забился в самый угол повозки, а Брунгильда впервые в жизни выглядела испуганной.

— Яна, — бросила она через плечо. — Упакуй документы. Мы выдвигаемся в Цитадель немедленно. Сентиментальный период закончен.

Дамиан остался стоять на коленях в центре Скита. Он смотрел ей в спину, и чувствовал через Поводок своё разрывающееся сердце. Но для Астарты это было лишь колебанием датчика. Не более.

Вера взошла на телегу и посмотрела на горизонт, где возвышалась Цитадель Азазеля.

— Ну что, Магистр, — прошептала она, и её глаза вспыхнули ледяным золотом. — Посмотрим, готов ли ты к встрече с тем, что сам же и создал.

От автора

Дальше начинается платная часть истории Веры и Дамиана. Им предстоит узнать, что на самом деле связывает Сосуд и Созидателя, зачем Азазелю понадобилась Астарта и можно ли разрушить Поводок, не потеряв друг друга.

История Веры и Дамиана будет завершена полностью, а все главные тайны их прошлого получат ответы. Спасибо, что остаётесь с героями дальше ##

Глава 13. Плен души

Над Скитом Молчальников зависла тяжёлая, гудящая тишина, в которой даже

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.